

18+

Аркадий Широков

Не сдались

Роман о белом офицере

Аркадий Широков

**Не сдались. Роман
о белом офицере**

«Издательские решения»

Широков А.

Не сдались. Роман о белом офицере / А. Широков —
«Издательские решения»,

1917 год. Россия рушится. Капитан Николай Добролюбов, хромой георгиевский кавалер, сослан в Екатеринбург. Он присягает Временному правительству, чтобы сохранить людей, ведёт батальон в Крым, воюет с махновцами, верит в поход на Москву. Наступление захлёбывается. Врангель проигрывает. Добролюбов попадает в плен, отказывается переходить к красным. Его расстреливают.

© Широков А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Прибытие новой власти	6
Глава. 2 Присяга	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Не сдались Роман о белом офицере

Аркадий Широков

© Аркадий Широков, 2026

ISBN 978-5-0070-5166-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Прибытие новой власти

В ночь на 13 марта в штаб местного самоуправления пришла телеграмма: «Император Николай II отрёкся от престола. Власть перешла к Временному правительству. Офицерам предписано сдать оружие, включая наградное. Командирам частей зачитать документ личному составу.

В этот момент об этом докладывают и нашему герою, Николаю Добролюбову, ветерану Первой мировой войны, заслуженному герою в отставке, которому был присвоен Георгиевский крест. Из-за своего ранения он был сослан в Екатеринбург.

Читая строки ниже, он впадает в некий ужас:

Первый приказ: в скором времени в городе Екатеринбург будет утверждено новое правительство.

Второй приказ: расформировать «Царскую» полицию и создать Комитет общественной безопасности (КОБ).

Третий приказ: офицеры должны сдать всё своё оружие, вплоть до наградного.

Четвёртый приказ: просим командиров и офицеров собрать войсковые части, зачитать этот документ и ждать прибытия новой власти.

Добролюбов перечитал телеграмму трижды. Руки не дрожали. Он положил лист на стол, посмотрел на свою хромую ногу, затем на Георгиевский крест на груди. «Сдать? Им?» Он вспомнил прапорщика Смирнова. Молодого, восторженного. Тот говорил, что народ устал от войны, что царь должен уйти, что начнётся новая жизнь. Добролюбов тогда не спорил. Только спросил: «А кто будет воевать, когда народ устанет?» Прапорщик не ответил. Теперь Смирнов, говорят, в комитете. Заседает. Без погон. Без оружия. Без чести? — подумал он

Хватая свой китель, накидывая фуражку и беря с собой трость, Добролюбов направляется в штаб. По прибытии он отдаёт приказ о созыве командования командиров и солдат.

Спустя час ожидания, в это морозное утро, капитан Добролюбов смотрел на солдат и командиров. Выдохнув тёплый пар из своих лёгких, он громко извещал:

— Господа солдаты, юнкера и командиры. К нам пришла не очень хорошая новость: Николай Александрович подписал указ о своём отречении, он попросил нас не оказывать сопротивления и ждать нового временного правительства и командования.

После чего капитан зачитывает телеграмму, читает, комкая голос на последних словах. Где-то с отрядов послышалось громкое «Ура!» Солдаты и многие офицеры начали радоваться и ликовать.

А сам капитан не понимал, чему они собственно радуются. Он смотрел и раздражался, сжимая руки в кулаки. Последнее, что он сказал перед тем как уйти в штаб, было тихое сухое предложение:

— Чему вы радуетесь? Отечество потеряли!

И ушёл, так и не будучи услышанным.

Сидя в тесном кабинете, закуривая трубку, он сидел задумавшись, изредка оглядывая портрет императора. Портрет висел здесь всегда. Государь — в мундире, с орденами. Лицо усталое, глаза — с мольбой или с упреком? Добролюбов не мог разобрать. Раньше казалось: мудрость. Теперь — усталость. Старик, которого бросили свои. Капитан поймал себя на мысли, что смотрит на портрет как на икону. Но иконы не спасают, когда храм рушится». Вдыхая очередной раз дым табака, он прохрипел:

— Тёмные времена нас ждут. Да сколько горя мы ещё хапнем.

Беря в руки лист бумаги, он беглыми строками пишет обращение к его императорскому величеству:

«О великий государь, прошу вас как русский солдат: нельзя отдавать власть народу, не сейчас, не в трудные времена. Прошу, услышите и поймите: мы с вами так отчизну потеряем, людей потеряем. В своё время ваш пра дед Александр I получил верное просветление: власть народу не давать. Эта власть была от лукавого. Прошу вас одуматься.»

Закрывая письмо, ставя печать, он зовёт к себе посыльного.

— Донести это письмо до его Императорского Величества, до канцелярии. Он должен это получить.

Посыльный — молодой, лет семнадцати, сын писаря — взял конверт, глянул на адрес. — Ваше благородие, — спросил он тихо, — а как же теперь? Государя-то нет? — Не твоё дело, — ответил Добролюбов, но тут же смягчился. — Отвези, куда велят. Если не доедет — сожги. Не отдавай никому. Посыльный кивнул, спрятал письмо за пазуху и вышел. Капитан смотрел в окно, как тот идёт по двору, прижимая руку к груди. Не оглянулся. И правильно».

Капитан достал рюмку и хлопнул водочки, вздыхая и занюхивая корочкой хлеба.

Дверь открылась. Вошёл человек в военной гимнастёрке без погон, с нашивкой члена Комитета общественной безопасности на рукаве.

— Капитан Добролюбов? — спросил он, бегло оглядывая кабинет. — Комиссар Временного правительства по Екатеринбургскому уезду. Приказываю: согласно постановлению, офицерское оружие подлежит сдаче. Царская полиция расформировывается.

Он говорил сухо, официально, как о неизбежном. Добролюбов смотрел на его погоны — там, где раньше были вензеля, теперь пустота.

Николай выкладывает свой револьвер из кобуры и кладёт его на стол.

— И наградную шашку, господин капитан! — грозно произносит комиссар.

На что Николай встрепенулся и сухо ответил:

— Нет, не вы меня награждали, и не вам у меня это забирать. Нет. Не отдам!

После недолгого молчания заходят подручные комиссара с винтовками за спиной.

— Господин капитан, в ваших интересах отдать шашку

Добролюбов медленно снял шашку с пояса. Подержал в руках. И положил рядом с револьвером.

— Забирайте, — сказал он тихо. — Но помните: это не вы у меня взяли. Это я вам отдал. Временному правительству. На хранение.

Комиссар хотел что-то сказать, но махнул рукой. Шашку забрал.

Перед тем как уйти, капитан кинул вслед, своей головой отвечаешь за шашку. После услышанного они просто ушли.

Добролюбов остался один. Посмотрел на пустой стол. Напёрсток с остатками водки. Опрокинул.

Глава. 2 Присяга

Николай Добролюбов всё ждал ответа. День, два, неделя. Тишина. Он ходил по кабинету, поглядывая на портрет, на часы. В коридоре слышались шаги. Капитан рванул дверь. На пороге стоял комиссар.

— Ждёте кого-то, капитан? — усмехнулся тот. — Вас — нет, — сухо ответил Добролюбов. — Вы не представились в прошлый раз. — Владимир Васильевич. Комиссар КОБа. — И по какому делу? Оружие я сдал. — Разговор не в коридоре. Пройдёмте.

Добролюбов пропустил гостя в кабинет. Комиссар сел без приглашения.

— Приказ, капитан. Вам надлежит присягнуть Временному правительству. Добролюбов молчал. — Далее, — продолжил комиссар, не дожидаясь ответа.

— Вы назначаетесь командиром отдельного батальона. Мобилизуйте здесь пять тысяч ветеранов и отправляйтесь в Крым. — В Крым? — Добролюбов вскинул бровь. — Зачем? Фронт не там.

— Приказ. Не обсуждать.

— Я не присягну, — тихо сказал капитан. — И мобилизацию проводить не буду. Мой долг — фронт, а не тыловые игры.

Комиссар встал.

— У вас три дня на размышление. Отказ — трибунал. Выбор за вами. Он вышел. Добролюбов остался один. Посмотрел на портрет.

— Вот и дождался, — прошептал он.

Вечер где-то 20:30

Николай сидел, пил чай. Карта и портрет Императора висели на стене, как и раньше; если присмотреться, их часто и аккуратно протирали каждый день.

В дверь постучали. Николай громко произнёс:

— Войдите.

Дверь приоткрылась, и в комнату вошёл капитан Сергей Муромцев. Он прикрыл за собой дверь, лицо у него было усталое, под глазами залегли тени.

— Не ждал? — спросил он.

— От тебя — тем более. Садись, — ответил Николай.

Муромцев опустил на стул, снял фуражку.

— Слышал, к тебе комиссар навещался.

— Слухи здесь разносятся быстрее ветра. Уже слышал.

— И что решил?

— А что решать? Присягать не буду. Мобилизацию проводить не буду. Я присягал государю. Его нет — значит, и присяги нет.

Муромцев помолчал, потом тихо сказал:

— А я ухожу. Сегодня ночью.

— Куда?

— На Дон. Там собираются верные. Каледин, Деникин... Создают армию. Не чета нашим новым комитетам.

— Дезертир, — бросил Николай, но без злости. — Ты присягал. Надо служить там, где прикажут.

— Прикажут присягнуть Временному правительству? Или большевикам, если они придут? Я не хочу воевать против своих. А на Дону я буду знать: я с теми, кто не предал.

Николай встал, подошёл к карте.

— А здесь ты предаёшь. Твой пост — здесь. Твои солдаты — здесь. Ты их бросишь?

— Я заберу с собой тех, кто готов. Тех, кто не хочет служить этой «новой России».

Долгое молчание повисло в комнате.

— Прощай, Коля, — наконец сказал Муромцев. — Может, ещё встретимся. На Дону.

— Прощай, — ответил Николай, не оборачиваясь.

Дверь закрылась. Капитан остался один. На столе стояли два остывших стакана. Один из них он опрокинул.

День второй Утром Добролюбов вышел в город. Ноги сами привели его на площадь. Отвращение поднималось к горлу, но он сдерживался.

— Братцы! — кричал с трибуны оратор в кожанке. — Царь-батюшка нас бросил! Буржуи грабят! Вся власть народу! Мы построим новый мир!

Толпа ревела. «Долой! Ура! Землю — крестьянам!»

Добролюбов смотрел на молодые лица солдат, которые ещё вчера тянули лямку в казармах, а сегодня кричали о свободе. Многие не понимали, что кричат. Просто орали, потому что все орали.

— Капитан? Вы ли это?

Добролюбов обернулся. Перед ним стоял прапорщик Смирнов. На гимнастёрке — красный бант. Погон нет. Но лицо — молодое, восторженное.

— А вы, я смотрю, пристроились, — сказал Добролюбов, кивнув на бант.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.